

Внутри лежали две вещи — одежда, которую Рябой Ван, узнав, что они с Цзян Чжунсюэ уходят, в предвкушении радостно сунул в сумку. Он, видимо, не мог дождаться, когда эти два грозных гостя наконец покинут его, и потому поспешно упаковал всю одежду, когда-то испачканную Цинь Чаншэн, но потом выстиранную, да и прочие вещи пристроил. Он так надеялся избавиться от незваных визитёров, что боялся: как бы они, пройдя полпути, чего-нибудь не вспомнили и не вернулись.

Цинь Чаншэн сидела на земле, осмотрелась и, подползая к каменной расщелине, вытащила оттуда одежду. Разложила её на камне, соорудив нехитрый заслон от ветра. Затем достала порванную футболку, расстелила на земле и улеглась, свернувшись калачиком, уткнувшись лицом в ткань и подложив под голову руку. Полежав так, она решила, что рука — подушка никудышная, приподнялась, отыскала камень побольше и подсунула его под футболку.

Пристроившись поудобнее, она обхватила себя руками, пытаясь сном заглушить голод, скручивающий желудок. Да, голодно и холодно. Цинь Чаншэн закрыла глаза, и в нос неожиданно ударила знакомая щекотка перед слезами. Она вздохнула. Что сейчас делают родители? Наверное, уже поужинали, прогулялись и ложатся спать. Дома — тёплая кровать, пуховик, шёлковая простыня, гладкая и нежная. Лёжа на ней, будто паришь в облаке — тепло и невесомо.

Цинь Чаншэн с горечью вспомнила, как совсем недавно, полная юношеских сил, она делилась с подругами мечтами о будущем. Тогда она была молода, полна энергии, и всё впереди казалось бесконечным. А теперь, всего год спустя, она оказалась на холодной горе, где ветки царапают лицо, голодная, продрогшая, спит у камня и не знает, какие демоны и духи подстерегут её после пробуждения. А может, она и вовсе не проснётся. Она никак не могла представить себе такое будущее.

Чем больше думала, тем сильнее сжималось сердце. Слёзы навернулись на глаза, она уткнулась лицом в ладони, прижала их к векам и прошептала: «Кто хочет быть этим Призрачным Глазом?.. Кто хочет — тот пусть и будет, зачем я-то? Не хочу я этого, ей-богу! Я просто хочу быть обычным человеком, а не этим... Кому надо — тот пусть и становится!»

Бормоча это, она ворочалась с боку на бок, но сон не шёл. В конце концов, она в сердцах села, схватила камень и швырнула его вниз по склону. Швырнула несколько раз — на душе стало чуть легче. Тогда она снова улеглась, закрыла глаза и стала заставлять себя заснуть.

Следующие три дня Цинь Чаншэн провела на Обрыве. В этом мире рассвета не существовало. В бесконечной тьме она ориентировалась лишь по часам, пытаясь понять, сколько времени прошло. Но куда страшнее было другое: на горе Цзи не было воды.

За эти трое суток, пока стрелка совершила четыре полных круга, её сознание спуталось. Часто, просыпаясь, она не понимала — сон это или явь, а во сне ей казалось, что она бодрствует. Губы побелели и обветрились от жажды, кожа отливала сизой бледностью. От голода её шатало, в голове стоял туман, а мир вокруг плыл и двоился.

Она облазила всю гору Цзи — по крайней мере, в пределах разумного. И что сбивало с толку: на всём её протяжении не было ни ручья, ни озера. Позади деревни призраков она обнаружила лишь следы высохшего водоёма — большую площадку, заросшую бурьяном и сухим полынным.

Она пыталась выжимать сок из зелёных побегов деревьев ногтями и камнями, но толку было мало. Да и могла ли она быть уверена, что эта жидкость пригодна для питья? Цинь Чаншэн

ободрала себе пальцы, рассекла щеку, натёрла ноги до волдырей — на теле не осталось живого места.

Но даже так её положение не улучшалось. Воды она не нашла, еды — и подавно. Поймать лесного зайца? Об этом не могло быть и речи. Даже если бы поймала — разжечь огонь она не умела.

На четвёртое утро, проснувшись, Цинь Чаншэн уже не отличала реальность от кошмара. Жажда и голод, словно чья-то рука, сжимали сердце, медленно затягивая петлю.

Под глазами залегли тёмные круги, веки отяжелели, будто налились свинцом. Она брела вперёд, покорно и бесцельно, по дороге, у которой, казалось, нет конца.

Что ждёт её впереди? Она не знала. Солнце, что никогда не взойдёт. Рассвет, что никогда не наступит.

Цинь Чаншэн подняла руку. Кожа на ней была содрана, и кровь сочилась из запястья, капала с кончиков пальцев, оставляя на земле прерывистый кровавый след. Она смотрела на рану, долго соображала, а потом, словно медлительный робот, подняла руку, вытерла кровь и прижала содранное место.

Сначала голод и жажда терзали невыносимо, сводя с ума. Потом нервы, казалось, онемели, и боль отступила. Сознание замедлилось, все ощущения — и боль, и голод — стали далёкими, словно происходили не с ней. Она шла, пока наконец не рухнула на землю.

Последнее, что она увидела перед тем, как сознание поглотила тьма, — был длинный силуэт. Под шелковицей, в зареве пожара, заливавшего полнеба, женщина с выпяченным, как у золотой рыбки, лбом-опухолью и одной впалой глазницей склонилась над ней, глядя с удивлением.

Веки налились свинцом. Цинь Чаншэн лежала на земле, а в глазах у неё плясали отражения горячей деревни. Удивление, страх, шок, растерянность — все эти чувства уплывали прочь вместе с сознанием. В последний миг она лишь с грустью подумала, что, наверное, она — первый за тысячу лет Призрачный Глаз, который умрёт от голода.

***

Во тьме, в безмолвии, в глубине дворца загнанный зверь бился в последней схватке.

Пламя взметнулось к небу, каменные колонны рушились одна за другой, вопли и крики о помощи тонули в треске огня. На крыше, высокий стражник в облегающем чёрном облачении выхватил из-за спины длинную стрелу и наложил её на тетиву лука. Трёхгранный стальной наконечник холодно поблёскивал в свете факелов, отливая зловещим блеском.

На высоком здании молодой человек в тёмных узорчатых одеждах стоял, положив руки на резные яшмовые перила. За его спиной выл тёмный, тоскливый ветер. В ярко освещённом императорском дворце юная наложница лежала без сна, прислушиваясь к звукам снаружи.

Снаружи скрипнуло.

За дверью взметнулись белые шелковые занавеси. Ворвавшийся порыв ветра подхватил опавшие ночные листья и донёс лёгкий запах крови.

Женщина на кровати, услышав звук, удивлённо обернулась и нерешительно спросила: «А Сюз? Ты вернулась?»

Разглядев вошедшую, она замерла, а затем тревожно проговорила: «Почему вы здесь, ваше величество?»

Она по-прежнему лежала, не делая попыток подняться.

Сиши стояла на месте. Две служанки по бокам низко склонились в поклоне, дав знак остальным прислужницам удалиться.

Ветер трепал её юбку, обрисовывая тонкую талию, одну изящную ногу и жёсткий деревянный протез рядом.

<http://bllate.org/book/16269/1464380>